

Сысоев Валерий Мануилович

Утренние зорьки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
В15

В15 **Валерий Мануилович С.**
Утренние зорьки / Сысоев Валерий Мануилович – М.: Книга по Требованию,
2026. – 116 с.

ISBN 978-5-519-76090-4

Рассказы для детей

ISBN 978-5-519-76090-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Спасенный.

Было жарко. Большой каменный домъ, стоявшій на людной улицѣ, сильно нагрѣлся отъ лучей лѣтняго солнца. Въ одной изъ небольшихъ квартиръ этого дома, въ комнатѣ, выходившей окнами на дворъ, сидѣлъ мальчикъ лѣтъ восьми и устраивалъ на столѣ сраженіе между оловянными солдатиками. Ему скоро надоѣла эта игра. Онъ подошелъ къ открытому окошку и сталъ смотрѣть въ него.

На дворѣ только и былъ одинъ пѣтухъ. Несмотря на палящее солнце и раскаленный асфальтъ, которымъ былъ залитъ дворъ, пѣтухъ не шелъ въ тѣнь сарайчика, откуда доносилось кудахтанье курочекъ, а важно, словно часовой, шагаль по двору, изрѣдка останавливаясь, выгибая шею и крича:

— Ку-ка-ре-куу!...

Изъ-за забора позади сарайчика виднѣлись деревья съ запыленными, вялыми отъ жары листьями. „Пойду въ садъ“,—рѣшилъ мальчикъ. Сначала онъ зашелъ въ сосѣдную комнату спроситься у матери.

— Ступай, Вася, ступай!—сказала мать.— Но вѣдь и въ саду теперь жарко.

— Я въ бесѣдку,—отвѣчалъ Вася.

— Погуляй, только шляпу надѣнь, а то голову напечетъ,—замѣтила мать.

Вася пошелъ на дворъ, а оттуда черезъ калитку въ заборѣ пробрался въ садъ. Тутъ было еще душнѣе, чѣмъ въ комнатахъ. Маленькій садикъ съ тощими, грязными деревцами былъ окруженъ высокимъ заборомъ, не допускавшимъ продувать вѣтру. Въ одномъ углу стояла крытая желѣзомъ деревянная бесѣдка. Вася вошелъ въ эту бесѣдку и сѣлъ на скамейку. Вдругъ онъ слышитъ, какъ подъ нимъ кто-то зашевелился и вздохнулъ. Вася испугался и хотѣлъ было бѣжать, но, увидавъ подъ скамейкой бѣлую собаку, успокоился и обрадовался.

— Любимчикъ, это ты?—весело крикнулъ онъ.

Кудрявый, лохматый пудель вылѣзъ изъ-подъ скамейки и, потягиваясь со сна, сталъ вилять хвостомъ и ласково смотрѣть на мальчика.

— Здравствуй, здравствуй!--протянулъ Любимчику руку Вася.

Пудель важно приподнялъ лапу и положилъ ее на Васину ладонь.

— Теперь извольте служить! — крикнулъ мальчикъ.

Любимчикъ присѣлъ на заднія лапы, а пе-

реднія сложилъ на груди и съ глупымъ, покорнымъ выраженіемъ неподвижно уставился на Васю.

— Довольно! Теперь извольте принести мнѣ вотъ эту палочку.

Вася поднялъ съ полу прутикъ и кинулъ его изъ бесѣдки на дорожку сада. Пудель бросился со всѣхъ ногъ за прутикомъ, осторожно взялъ въ зубы, и принесъ его своему командиру.

— Молодецъ, умникъ, умникъ! — гладилъ Вася его курчавую, какъ у барана шерсть.— И тебѣ не жарко въ такой шубѣ лѣтомъ?

Любимчикъ молчалъ и только билъ хвостомъ по полу...

Въ бесѣдку вошелъ дворникъ и сталъ кликать къ себѣ собаку. Любимчикъ не шелъ отъ Васи. Тогда дворникъ взялъ его за ошейникъ и потащилъ изъ сада.

— Куда ты его?—спросилъ Вася

— На расправу,—засмѣялся дворникъ.

Васѣ стало жаль собаку. Онъ зналъ, что Любимчикъ принадлежитъ хозяину дома, одинокому старику, и ему почему-то казалось, что старикъ этотъ злой. Вася пошелъ за дворникомъ. Пуделя потащили въ квартиру хозяина. Вася остался у дверей. До него доносился разговоръ. По голосамъ онъ зналъ, кто говоритъ.

Дворникъ. Когда прикажете его обдѣлать?

Хозяинъ. Я думалъ сейчасъ, да ужъ лучше оставимъ до утра. Сегодня не успѣешь... А ты наточилъ ихъ хорошо, какъ я тебѣ приказывалъ?

Дворникъ. Востры какъ бритва.

Хозяинъ. Такъ завтра утромъ и обдѣлай.

Дворникъ. Слушаю-съ.

„Хотятъ зарѣзать“, — рѣшилъ Вася. Ему такъ жаль стало Любимчика, что онъ чуть не заплакалъ. Когда онъ пришелъ домой, мать спросила, отчего онъ такой грустный; но Вася скрылъ свое горе.

Мальчикъ все думалъ о Любимчикѣ. Ему представлялась зарѣзанная злымъ старикомъ собака. Но онъ не допуститъ до этого: онъ спасетъ ее. Въ головѣ Васи даже мелькала такая мысль: взять у отца со стѣны саблю и съ оружіемъ въ рукахъ итти защищать пуделя. Но онъ сейчасъ же сообразилъ, что это будетъ ужъ очень глупо. „Да и какой онъ герой? Гдѣ ему сладить съ большимъ дворникомъ!“ Но планы спасти Любимчика отъ ножа не оставляли Васю. Онъ остановился, наконецъ, на одномъ планѣ: спрятать пока Любимчика куда-нибудь, и твердо рѣшилъ исполнить это намѣреніе.

Вечеромъ, когда всѣ улеглись спать, Вася тихонько пробрался на дворъ и тамъ отыскалъ Любимчика около хозяйскаго крыльца. Маня за собой собаку кусочкомъ хлѣба, онъ привелъ ее къ сарайчику. Сарайчикъ былъ затворенъ, но не запертъ. Вася заманилъ Любимчика въ сарайчикъ и тамъ привязалъ его веревочкой къ куринымъ нашествамъ. „Будутъ утромъ искать и не найдутъ“, — съ радостью подумалъ мальчикъ. Затворивъ сарайчикъ, онъ опять тихо пробрался въ свою комнату и улегся спать. Онъ скоро уснулъ. Ночью, въ полуснѣ, онъ слышалъ собачій вой на

дворѣ. Утромъ онъ вспомнилъ объ этомъ воѣ, и сердце его больно забилося. „Должно быть нашли и зарѣзали“,—печалился мальчикъ.

Наскоро одѣвшись, онъ поспѣшилъ на дворъ. Любимчика ни въ сарайчикѣ, ни во дворѣ не было. Вася сталъ утирать слезы.

По двору проходилъ хозяинъ.

— Это вы, шалунъ, мою собаку къ курамъ привязали?..—спросилъ Васю старикъ, грозя пальцемъ.

Вася разозлился на жестокаго хозяина.

— Я, я...—говорилъ онъ всхлипывая, — а вы... вы... злодѣй... вы нехорошій... гадкій... гадкій...

— Что такое? что? за что вы меня браните? Что я вамъ сдѣлалъ?—удивился старикъ.

— Зачѣмъ вы убили Любимчика?.. Я слышалъ, вы вчера еще приказали дворнику его.. обдѣлать...

Старикъ разсмѣялся.

— Такъ это вы его спасти хотѣли? Вы за этимъ его и въ сарайчикъ посадили?

— Да, мнѣ его жалко...

И мальчикъ совсѣмъ расплакался.

Старикъ продолжалъ улыбаться. Онъ подошелъ къ Васѣ, погладилъ по головкѣ и, нагнувшись, поцѣловалъ въ щеку.

— Ну, не плачьте! Вашъ дружокъ живъ и здоровъ.

Съ этими словами старикъ подошелъ къ своему крыльцу, отворилъ дверь въ сѣни и крикнулъ:

— Любимчикъ! Любимчикъ! иди сюда!

Изъ двери, какъ полоумный, вылетѣлъ пудель. Но въ какомъ онъ былъ видѣ! Вася даже не узналъ его. Онъ былъ остриженъ нагладко, и только оставлены курчавой голова и лохматыми концы ногъ и хвоста. Онъ былъ очень забавенъ — словно наряженный въ чепчикъ и перчатки.

— Вотъ какъ мы его обдѣляли!—смѣялся старикъ.—Ему теперь гораздо легче безъ шубы. Вѣдь лѣтомъ шубы не полагается.

Любимчикъ облизалъ Васѣ руки и весело понесся по двору, распугивая куръ и воровьевъ. Онъ, дѣйствительно, былъ радъ, что на немъ не было теперь его курчавой, теплой шерсти.

Смотря на рѣзвящагося Любимчика, Вася отеръ слезы и сталъ смѣяться отъ радости.

— Это вы его „обдѣляли?“ — спрашивалъ онъ старика.

— Да, остригли. Ножницы дворникъ наточилъ очень остро, и, видите, какъ мы хорошо остригли... А вы добрый мальчикъ...

— Старикъ снова погладилъ Васю по головѣ.

На другой день Вася получилъ принесенную дворникомъ коробку прекрасныхъ конфетъ. На крышкѣ была надпись: „Моему спасителю Васѣ отъ спасеннаго Любимчика“.

Отецъ и мать Васины, узнавъ эту исторію, долго смѣялись и все спрашивали:

— Какъ, какъ, Вася, ты спасалъ пуделя?

Вася конфузился.

— Папа, вѣдь нашъ хозяинъ добрый?—говорилъ Вася отцу, лакомясь подаренными конфетами.

— Конечно, добрый. Онъ любитъ своего пуделя и полюбилъ тебя. А кто любитъ животныхъ и дѣтей, тотъ всегда добрый.

Куточка-хочлатка.

На дворѣ было холодно. Шелъ снѣгъ и дулъ сильный вѣтеръ. Отъ мороза трещали стѣны. Какъ будто кто ходилъ около дома и стучалъ по бревнамъ палкой.

Въ комнатахъ было тепло отъ хорошо истопленныхъ печей. Въ кухнѣ даже жарко, такъ что кухарка Афросинья пріотворила немного дверь въ сѣни. Въ отворенную дверь со двора ворвался холодный воздухъ и бѣлымъ облачкомъ поползъ по полу. Въ кухнѣ стало прохладно, и Афросинья поспѣшила затворить плотнѣе дверь.

Кухарка была старая и по вечерамъ плохо видѣла. Она сидѣла за столомъ и вязала чу-

локъ. Въ трубѣ печки жалобно гудѣлъ вѣтеръ, словно просясь, чтобы его впустили погрѣться. Когда вѣтеръ умолкалъ, въ кухнѣ становилось такъ тихо, что слышно было, какъ бѣгали подъ столомъ мыши и шуршали за обоями тараканы.

Вдругъ Афросинья слышитъ:

— Кооо, кооо!..

„Что это такое?“—думаетъ старушка. Она оставила чулокъ и осмотрѣлась кругомъ. Никого не видать! Она опять стала вязать и опять скоро услышала:

— Кооо, кооо!..

Тогда Афросинья взяла со стола лампочку и стала осматривать всѣ углы въ кухнѣ. Вотъ, теперь совсѣмъ близко, подъ самыми ногами она слышитъ коканье. Старушка поправила очки на носу, нагнулась и увидала подъ лавкой курочку.

— Никакъ это Хохлатка?—удивилась кухарка.—Хохлатка и есть... Ахъ, ты, глупая! Какъ ты сюда попала-то? Должно быть, когда я дверь отворила...

Афросинья погладила рукой курочку.

Курочка смирно сидѣла подъ лавкой, прижавшись грудкой къ полу. Она была вся косматая, грязная; хохолокъ на головѣ растрепанный, гребешокъ блѣдный и зубчики на немъ почернѣли отъ мороза. Курочка повертывала головку, смотря то однимъ глазкомъ, то другимъ на Афросинью, и печально кокала.